

К 556
6

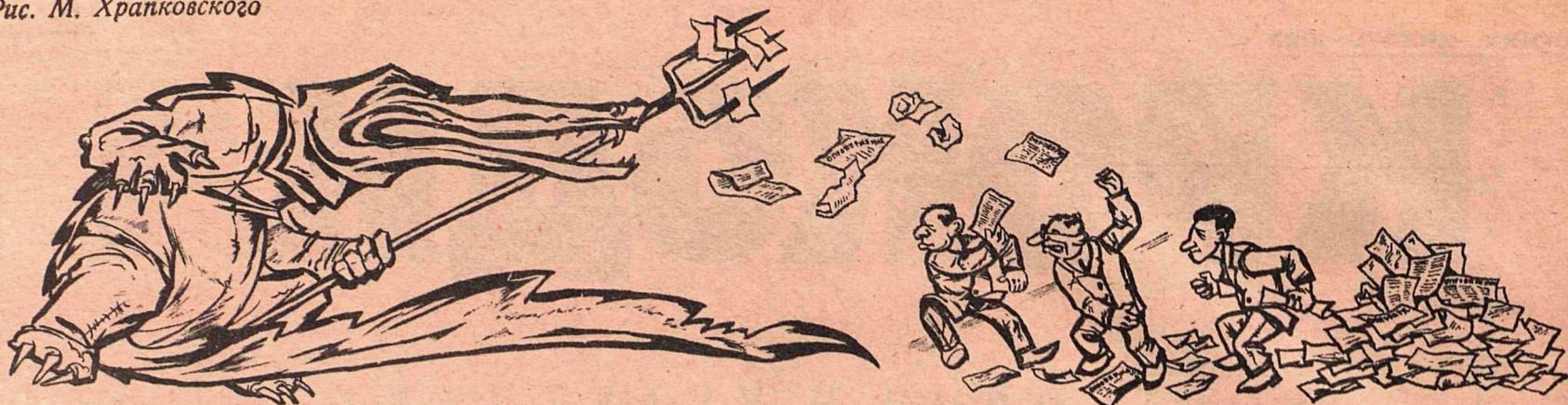
КРОКОДИЛ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Рис. К. Елисеева

УЧИТЕЛЬ: — Товар прежде стоил сто рублей. Теперь цены снижены на десять процентов. Сколько будет стоить товар?
 УЧЕНИК: — Те же самые сто рублей!
 УЧИТЕЛЬ: — Вы не знаете арифметики!
 УЧЕНИК: — А вы не знаете нашего торгового аппарата, товарищ учитель!

ОПРОВЕРГАТЕЛИ, ИЛИ ИГРА В СНЕЖКИ.

СКУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мы сидели в коридоре перед дверями стат-бюро орготдела губотдела нашего союза: дожидались заведующей. Мой сосед долго и внимательно читал газету. Прочитав объявления, хронику и передовую статью, он вздохнул, посмотрел на меня и сказал:

— Кабы не газеты, сдохнуть можно бы со скуки!

— Да, не весело,—согласился я.—Часа полтора дождаемся.

Сосед пояснил:

— Я не про сейчас только, а про вообще. Какие у нас удовольствия? Водку пить не охотник я, да и глупое это занятие. В театры ходить?.. И денег надо много, и далеко, и кончается поздно. В клуб?..

— Что ж... Можно и в клуб,—сказал я.

Сосед сморщился и заявил:

— Тощица! Не знаю, конечно, как в других клубах, а в нашем удовольствия

не много. Казенщина, скука. Приходят люди, сидят, слушают, а зачем пришли, для чего им сидеть и слушать — сами не знают. Устраиваются, правда, кино-сеансы, да скверные, ведь: разве сравнишь с настоящим кино? Нет, в клуб я редко когда заглядываю... И выходит, что единственное мое настоящее удовольствие — это газеты. Речь Томского на с'езде профсоюзов вы читали?

— Читал.

— Знаменитая речь! Прямо увлекаешься, когда читаешь, а слушать, должно быть, и еще интересней было. Очень правильно и хорошо. И когда в газетах такие вещи есть, то не надо тебе, конечно, ни книг, ни театров: тут про живое, про близкое дело читаешь, а не какой-нибудь вымысел! Вообще, после партийного с'езда с'езд профсоюзов самый, по-моему, для нас важный: про «приводной ремень от партии к массам» речь-то идет! Так или нет?

— Конечно, так.

— Вот то-то и есть. Прочитаешь отчеты о с'езде — и умней становишься, и глаза на многое открываются. Расширяются, так сказать, горизонты. Вот почему и тянет меня газеты читать. Ну, а кроме газет — какое тебе в жизни удовольствие?.. Поэтому я и говорю: не газеты если бы, — сдохнуть бы можно со скуки!

Я подумал — и солидно возразил:

— Нельзя, товарищ, так говорить. Кто работает, тот не скучает. Интересная, живая работа может целиком захватить человека, заполнить его жизнь!

— Это-то да, — вяло согласился мой сосед. — Об этом кто ж спорит. Что верно, то так. Да только где ж ее взять, интересную-то работу?

И вдруг разозлился:

— Вот тут вот второй час сижу — дождаюсь из-за пустякового дела: это, по-вашему, интерес?! А отделаюсь здесь, — придется дня три просидеть над заполнением «упрощенной формы отчетности»: это, по-вашему, живое дело?.. А потом с рабкредитными ордерами и списками возись: нужное дело, конечно, но что ж интересного-то? Потом — анкетные таблицы о составе рабочих и служащих: нужно было ко вчерашнему дню сдать, а я за них еще и не принимался. И рука не налегает приняться: до того заездился со всякими таблицами и бланками, — аж в глазах рябит! Вот до чего осточертела вся эта канцелярщина, — сил моих нету!..

Я сочувственно мотнул головой:

— Понимаю. Канцелярское дело — скучное дело, конечно. Им жизни не наполнишь: это верно... Но разве вы не можете заняться в свободные часы какой-нибудь общественной работой?

— В свободные часы!.. — сердито сказал сосед. — Где ж они у меня, свободные-то? Сидеть вот тут и заведующей дожидаться — это плохая свобода! Это потеря половины рабочего дня, вот что это такое!..

— А зачем же, товарищ, вам лично сюда обращаться? Могли бы через завком...

Сосед мой склонил голову на бок и посмотрел на меня с явным недоумением. Затем пробормотал огорченно:

— Как же, то-есть, через завком? Я ж председатель завкома!

Никита Крышкин.

МЕЖДУ ПРОЧИМ...

«Кто царь-колокол поднимет,
Кто царь-пушку повернет».

Кто прочтет отчеты треста,
Кто в рабклубе не заснет,
Кто с насыженного места
Зятя завова столкнет?

Кто анкеты все поднимет
И положит на весы?
Посетителя кто примет
В «неприемные часы»?

Кто сумеет до растраты
Обнаружить ревизком?
Кто, урезав гласно штаты,
Не раздует их тишком?

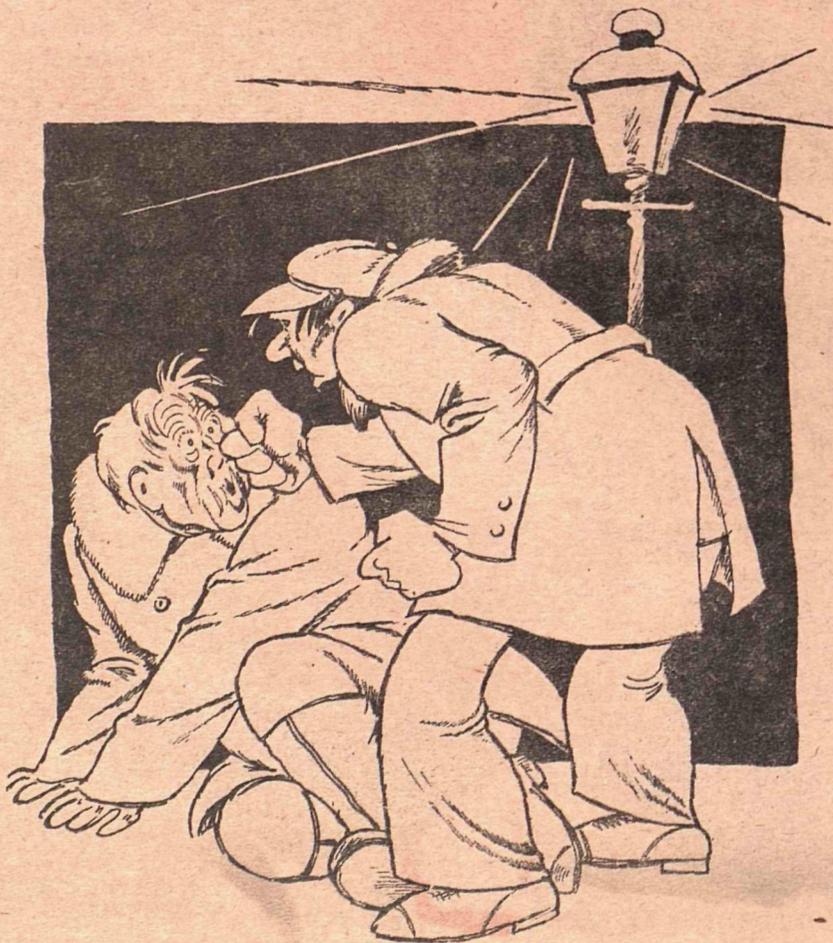
Кто по пальцам все контроли,
Все «увязки» перечтет?
Кто, в порядке доброй воли,
Цены вдруг снижать начнет?

Сквозь бумажные заносы
Кто дойдет до сути дел?
Кто на эти все вопросы
Дать ответы бы сумел?..

Гр.

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ХУЛИГАН

Рис. К. Елисеева

ХУЛИГАН: — Брось кричать, гражданин! И так слишком много кричат о хулиганстве. Будя!

БЛИЗКО ОТ МАССЫ.

Директор колбасного завода № 1, в телячьей рыжей куртке, с перекинутыми через левое плечо блестящими «норвежками», медленно возвращался с катка домой. Каждый раз после катка в голове у директора — Ивана Васильевича Стрекунова, — рождались планы, один другого розовой. Вот и сейчас, несмотря на 20-градусный мороз, от которого под сапогами пищал снег, и луна казалась оторвавшейся льдиной, Ивану Васильевичу было тепло. Он даже расстегнул куртку и, размахивая руками, сам с собою разговаривал и мечтал.

Он видел, как из одноэтажного колбасного заводика, где он сейчас директором, вырос огромный завод, оборудованный по последнему слову техники. Он видел огромные подъемные краны и слышал предсмертные крики тысячи свиней, которых загонщики гнали на бойню, тут же выстроенную во дворе завода электрические коптильни и коричневые, теплые, вкусные окорока, — от которых ему даже есть захотелось. — А вот общежитие рабочих, и перед его взором вспыхнул лифт, отдельные комнаты, ванные, газовая плита.

— Хорошо будет! — вскрикнул он и зашагал быстрее. — Кстати, общежития вот все собираюсь пойти посмотреть. И никак не выберусь. А, ведь, они тут где-то рядом, кажись, дом № 5.

И Иван Васильевич, розыскав пятый номер, духом вскочил по черной, запыленной лестнице на 4-й этаж.

В огромной, полутемной, неуютной комнате, напоминавшей казарму, почти рядом стояли койки, на которых уже многие спали. А на одной койке, стоявшей в середине, под 16-свечной электрической лампочкой, висевшей очень высоко в потолке, группа человек в 7 резалась в карты.

Засаленные, затрепанные карты хлестали, как пощечины. Играли в подкидного, при чем оставшемуся в дураках полагалось 5 щелчков.

Игроки были так увлечены игрой, что особенного внимания не обратили на приход тов. Стрекунова.

Только один из них сказал:

— А, свеженький пришел, садись. Угостим.

И Ивану Васильевичу сдали. В карты он давно не играл, а вокруг сидели действительные спецы этого дела. И то и дело, после каждого кона, кричали:

— Ну-ка, свеженький, подставляй лоб!

И когда через час уходил Иван Васильевич, он чувствовал, как на лбу горела радужная шишка. Но он на это и не обратил внимания. Наоборот, ему эта шишка казалась орденом Красного знамени.

— Почаще ходить сюда надо, а то чорт его знает, что делается — никакой культработы! Безобразия!

И на следующей день он вызвал к себе предзавкома и спросил у него строго:

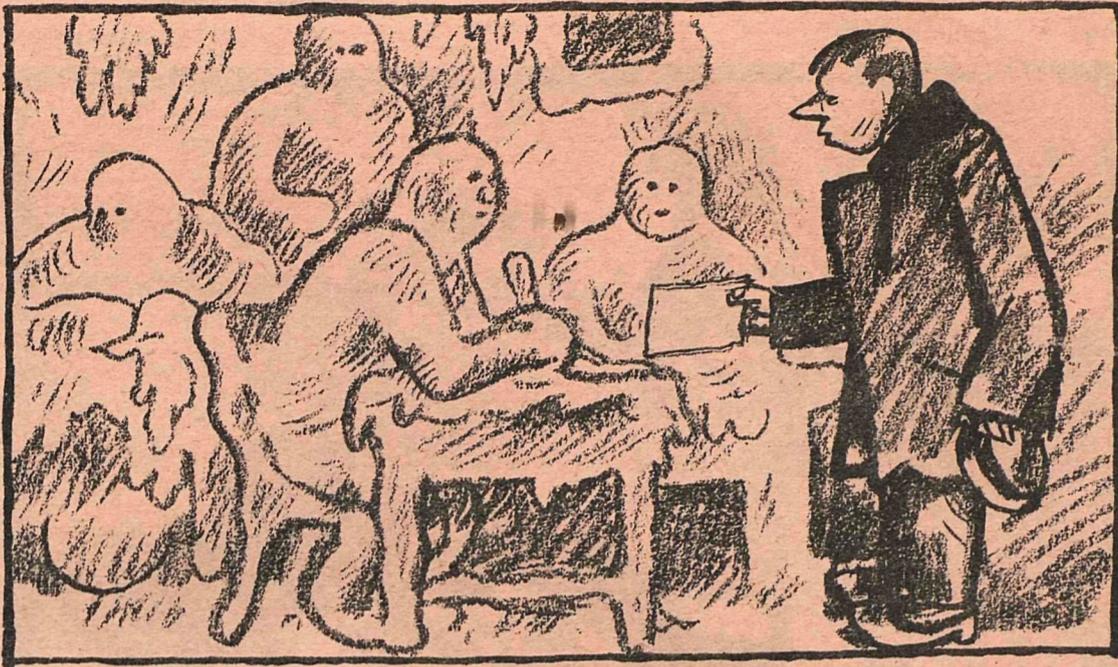
— Слушай, ведь, это чорт знает, что делается в нашем общежитии! Грязь, темно, одна 16-свечная лампочка, холодно — и неудивительно, что ребята играют в карты. Что им еще делать?!

— Как так!.. Я там, действительно, давненько не был, но...

— А вот я там вчера был. И должен вам сказать, что безобразно дело поставлено. Вонь, тесно! И сегодня же принять надо меры. Ближе к массам... А то

СТАРАЯ СКАЗКА, ИЛИ НОВАЯ БЫЛЬ

Рис. Ив. Малютина

Некий гражданин пришел в учреждение. Там нагнали на него такого холоду, что ему показалось, будто попал он в ледяной дом.

Но... достаточно было гражданину достать „волшебную“ записочку от доброго ответственного дяди и — совершилось чудо. Ледяной дом и его обитатели растаяли.

я вчера с катка возвращаюсь, иду по бульвару, думаю, дай зайду...

— Да, ведь, общежитие-то наше еще с прошлого года переведено на Кисловский.

— Да что вы ерунду порете — ведь, я там вчера сам был!..

— Давно оно переведено. Ну-те-ка, сейчас вызовем завхоза.

И когда завхоз на цыпочках влетел в кабинет, директор и предзавком в один голос спросили:

— Где сейчас находится общежитие наших рабочих?

— Оно вот уж с августа, как переведено на Кисловский переулок, а там, где раньше было, сейчас — рабфаковцы.

Иван Васильевич почувствовал, как шишка на лбу у него ярче вспыхнула и начала жестоко саднить.

Б. Левин.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1927 ГОД

на еженедельник сатиры и юмора
КРОКОДИЛ

Номер печатается в несколько красок на спец. машинах системы «ОФФСЕТ». Внутренние страницы печатаются на специальных машинах по способу «МЕЦЦО-ТИНТО» (глубокая печать).

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО № — 15 коп.
ПО ПОДПИСКЕ — 55 коп. в месяц.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В Москве: Главная контора «Рабочей Газеты», Сущевский вал, дом № 63; в Редакции: Тверская, 3; во всех районных экспедициях «Рабочей Газеты». В ПРОВИНЦИИ во всех отделениях «Рабочей Газеты» и во всех почтово-телеграфных конторах. Деньги направлять по адресу: Москва, Главная контора «Рабочей Газеты», Сущевский вал, дом № 63.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ОХОТА

За отсутствием дроби многие охотники стреляют гвоздями.

Рис. М. Храпковского

(Из газет).

— Хватай его, Федька, хватай! Гвоздей в ём куда больше, чем в нашем кооперативе!

БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ „КРОКОДИЛА“

ВЫПУСК IX.

Как известно, наша Большая Энциклопедия началась печатанием еще в прошлом году: сейчас, следовательно, она торжественно вступает во второй год своего существования.

Само собой разумеется, что это обстоятельство отнюдь не вынуждает нас устраивать юбилейное празднество и, вообще, производить излишние затраты. Наоборот, мы видим в этом удобный случай для проведения режима экономии, в каковых целях и сокращаем Энциклопедию еще на одну букву: Р.

Нужна ли нам, в самом деле, эта рычащая буква на десятом году советской власти? Все наши республики начинаются не с нее, а с С: ССР; «работники» начинаются с «сов», да и то, собственно говоря, они сов-служащие, а вовсе не работники; самая лучшая революция начинается с «О» (ктябрьская), а рабочий класс — с «П» (ролетариат). Остается только «режим экономии», который далеко не всегда начинается с «И» (звращения), и которому трудно обойтись без буквы «Р». Но, ведь, как раз именно в силу режима экономии мы и сокращаем эту букву! Следовательно, он не страдает, а выигрывает.

С.

Проницательный и углубленный читатель уже на основании предыдущих строк догадался, наверно, что с этой буквы начинаются Советы и все Советское. Так оно в действительности и есть. Вполне естественно поэтому, что с нее же начинаются и Социализм, и его Строительство, и СССР. Но, к сожалению, не только эти слова начинаются с «С».

Сослуживец. Раньше это слово начиналось с буквы «Р» и писалось так: родственник. Но букву «Р» мы, ведь, только-что сократили (чего нельзя сказать относительно родственников), поэтому и приходится писать его иначе.

Ставка. Экономический фундамент, на котором возводятся различные надстройки: переработка, сверхурочные, нагрузка, командировочные и т. д.

Страх. Страхи бывают разные: Госстрах, Соцстрах, Губстрахи, напрасные страхи и т. д.

Дореволюционная поговорка: «У страха глаза велики» — в настоящее время является пережитком старины. Большие глаза делаются теперь не у страха, а у администрации, когда ее приглашают в суд за невыплату денег Соцстраху.

Т.

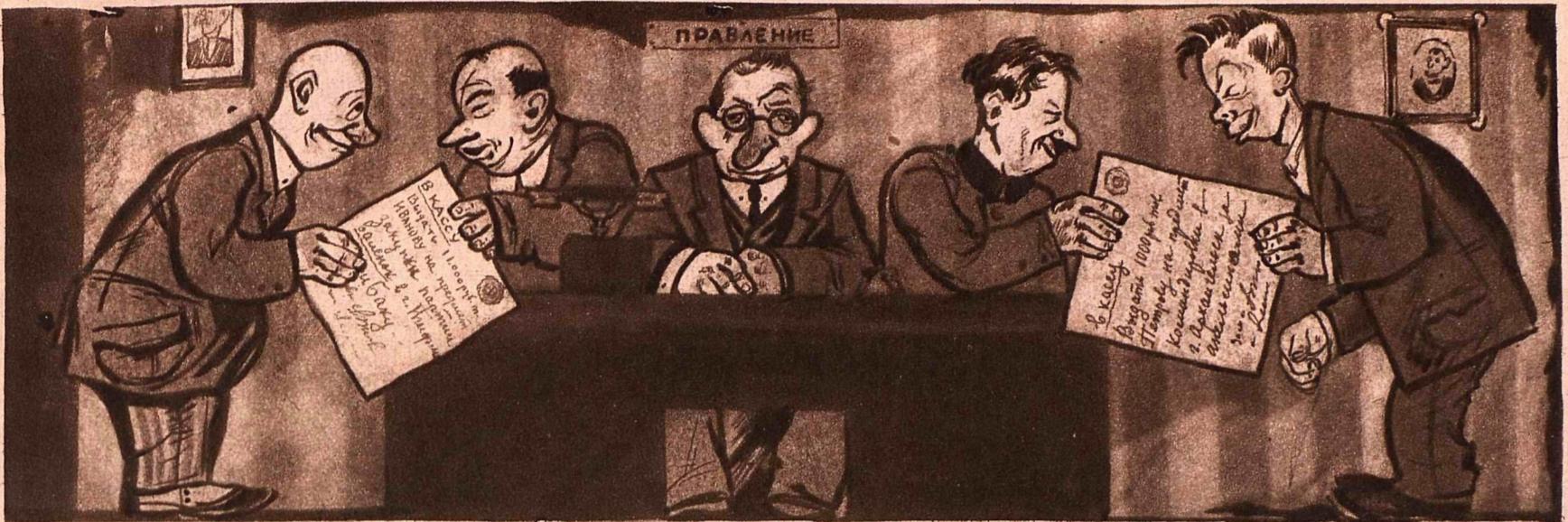
Буква эта раньше именовалась целым выразительным словом: «Твердо». Слово хорошее и весьма у нас распространенное. Так, все наши работники твердо проводят режим экономии, твердо придерживаясь партийной линии и т. д. Но, ведь, что такое «Твердо»? Так, слово, и даже не слово, а буква. А что такое буква? Так, звук пустой...

Тормаз. Особый аппарат, посредством которого задерживается или совсем прекращается движение чего-нибудь: поезда, автомобиля, трамвая, деловых бумаг или выдвиненцев по службе. Впрочем, для последних двух случаев особого аппарата не требуется.

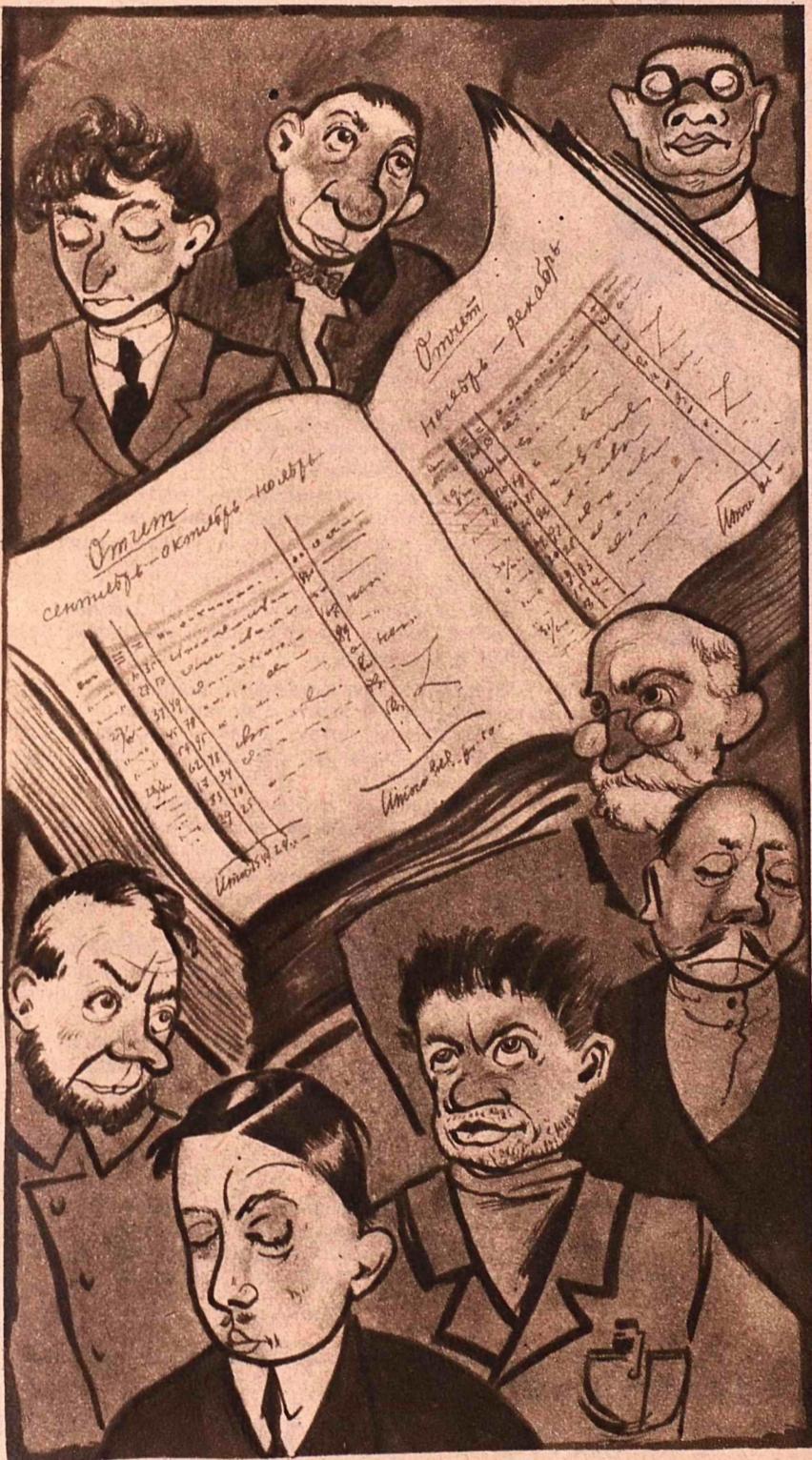
(Продолжение в след. №№)

ХЛОПОТЛИВАЯ РАБОТА

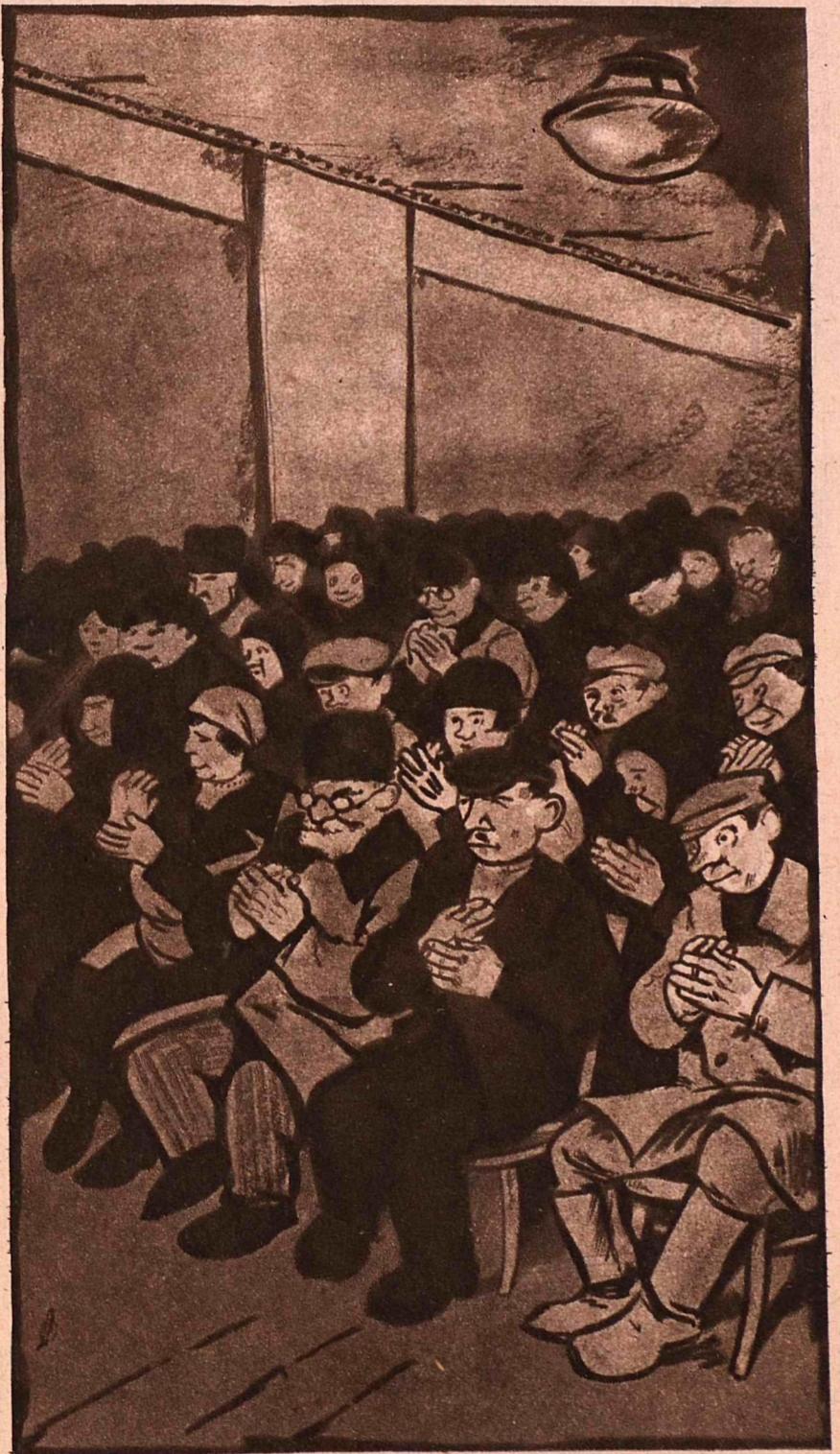
Рис. М. Храпковского

Правление кооператива ухлопывает кооперативные деньги на пустяки.

Ревизионная комиссия в это время хлопает глазами.

Что же делают рядовые члены кооператива? Они тоже нашли себе занятие: на общем собрании они хлопают в ладоши и правлению, и ревкомиссии.

НЕПОДДЕЛЬНАЯ СЛЕЗА

В связи с повышенным интересом к гармонии кустари сильно вздули цены на нее.

Рис. Ю. Ганфа.

— И до чего же жалобно играет — прямо плачет!
— Эх, Маша! Это не гармонь плачет — это денюжки плачут, которые за нее плачены!

КРАПИВНОЕ СЕМЯ

Где-нибудь в толпе, в трамвае или в кино — он выглядит совсем просто, скромненько и даже немного жалко. Маленький, низенький, безбровый, с выцветшими глазками, с неуклюжим, корявым носом и серым прыщеватым лицом. Одет, как все, ничем не выделяясь, только калоши на ногах непомерно велики. На морозе глаза у него слезятся, и он часто хлопает носом, — у него хронический насморк. Он — молод, хотя, глядя на его серенькое лицо, вы можете дать ему сколько угодно лет. Но вы никогда не увидите его весело смеющимся, хохочущим, бодро шумящим в компании молодежи. Он считает это ниже своего достоинства или просто не может быть молодым. Есть в нем что-то холодное и неприятное, что-то жабы, и от одежды его всегда припахивает нафталином. А, может быть, это просто кажется... Где-нибудь в толпе, в трамвае или в кино вы можете просто не заметить его, пройти мимо, даже толкнуть.

Но есть часы, когда вы не можете не заметить его. Есть место, где он становится совсем не таким, каким вы привыкли его видеть.

Часы эти — с девяти до четырех. А место — комиссариат милиции, где он служит делопроизводителем.

Он преображается, он вырастает сразу на несколько вершков, его насморочный голос становится резким, отрывистым, вызывающим, повелительным. Он чувствует свою силу и свою власть. Он знает, что все граждане его района, независимо от их пола, возраста, служебного и семейного положения — рано или поздно придут к нему на поклон. Переменить старый вид на жительство на новый, заявить об утере документов, прописаться, зарегистрировать патент, уплатить долги и недоимки, получить какую-нибудь справку — да мало ли что потребует вас от милиции! Ведь, не даром же сказано:

«Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан!»

И вот когда почувствуете вы всю силу и власть серенького человечка, которого вы не замечали и, может быть, даже толкнули случайно. Комиссариат милиции помещается в том же доме, где прежде был участок. Многие изменилось и внутри, и снаружи. Но маленький, серенький человечек, молодой, но с лицом старика, — он как-то будто впитал в себя все традиции, все привычки, все слова и все запахи прошлого.

Вот вы подходите к нему за справкой. Он старательно и нарочито делает вид, что читает какую-то бумажку.

— Товарищ! — говорите вы голосом более нежным и сладким, чем пение райских птиц. — Послушайте, товарищ!..

Он молчит. Молчит минуту, другую, третью... Потом небрежно на одну секунду вскидывает на вас глаза и бросает отрывисто:

— Разве вы не видите, что я занят?

И снова делает вид, что читает бумажку.

Ему все равно, кто вы. Может быть, вы рабочий, забывший во время обеденного перерыва отметить уехавшего родственника. Может быть, вы сверх-загруженный сотрудник, и вас ждут десятки людей. Может быть, вы женщина, и дома у вас не кормленный ребенок. Ему все равно. Он читает бумажку.

Он читает ее так долго, что вам кажется, будто, это не бумажка, а по меньшей мере целая конституция СССР или нормальный устав профсоюза. Наконец — о, счастье! — он кончил. Голосом усталым и снисходительно-умирающим он обращается к вам.

И когда вы, захлебываясь от возможности, наконец, рассказать, зачем вы пришли, броситесь к нему, — он встанет и, слегка отстранив вас рукой, пройдет мимо, бросив на ходу:

— Подождите, я сейчас вернусь.

И тут же, у вас на глазах, он будет полчаса беседовать с соседней регистраторшей о какой-то бумажке, которую она неправильно зарегистрировала, и которая из-за этого вернулась обратно, как «ошибочно засланная».

Потом он уйдет куда-то с таким важным видом, как будто он идет решать вопрос о постройке нового Волховстроя. Потом вернется, сядет, неспеша вынет из ящичка стола бутерброд с колбасой и, жуя и отряхивая крошки на бумажки, скажет, не глядя на вас:

— Я вас слушаю.

Вы скажете, что пришли за документом, который вам обещали сегодня приготовить.

Он дожует колбасу и молча укажет вам на объявление, висящее у двери:

— Вы грамотны, товарищ?

В объявлении вы прочтете, что документы выдаются только до двух часов и только по средам и пятницам.

Попробуйте рассердиться, попробуйте сказать ему, что вы ждете с половины первого, — он вскопит, он сразу, точно клоп, нальется кровью, он взвизгнет так, что в канцелярии звякнут стекла:

— Товарищ! У нас есть правила для всех! Я не буду делать для вас исключений! И прошу мне не указывать, как надо работать!

И тут же, с милостивой улыбкой, он подзовет следующего за вами гражданина и быстро сделает для него то, что никак не хотел сделать для вас.

Это для того, чтобы вы не зазнавались. Это для того, чтобы показать, как он велик и могуч. Для того, чтобы вы поняли, что он может все. Может накричать на непокорных, но может и внезапно наградить смиренных.

С девяти до четырех — он царь и бог. С девяти до четырех вы у него в руках. Он знает, что чернила, ручка и бланки, которые у него в столе, делают вас его рабом. Вы можете негодовать, кричать, топтать ногами, — завтра вы все равно вернетесь. И снова будете ждать, пока он будет пить чай и читать бумажку...

Есть такие червячки — маленькие, серенькие, незаметные. Вы можете даже не знать об их существовании, можете при случае даже наступить на них ногой. Но эти незаметные, невидимые червячки могут подточить и иссушить самое цветущее, самое плодотворное дерево.

Вас. Лебедев-Кумач.

СЛЕДУЮЩИЙ № 3

„КРОКОДИЛА“

СПЕЦИАЛЬНЫЙ :::: на тему О БЮРОКРАТИЗМЕ

Открыта 1927. на подписка РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ и ее издания

**РАБОЧАЯ ГАЗЕТА
ВЫХОДИТ В СЕМИ
ИЗДАНИЯХ:**

**ПРИНИМАЕТСЯ
ОТДЕЛЬНАЯ ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЬ:**

1-е издание
"РАБОЧАЯ ГАЗЕТА" в месяц 60 к.

2-е издание
"РАБОЧАЯ ГАЗЕТА"
"КРОКОДИЛ" в месяц 1 р. 10 к.

3-е издание
"РАБОЧАЯ ГАЗЕТА"
"ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ" в месяц 90 к.

4-е издание
"РАБОЧАЯ ГАЗЕТА"
"РАБОТНИЦА" в месяц 90 к.

5-е издание
"РАБОЧАЯ ГАЗЕТА"
"КРОКОДИЛ"
"ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ" в месяц 1 р. 40 к.

6-е издание
"РАБОЧАЯ ГАЗЕТА"
"КРОКОДИЛ"
"РАБОТНИЦА" в месяц 1 р. 40 к.

7-е издание
"РАБОЧАЯ ГАЗЕТА"
"КРОКОДИЛ"
"РАБОТНИЦА"
"ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ" в месяц 1 р. 70 к.

Самый распространенный в СССР еженедельный массовый сатирический журнал

КРОКОДИЛ

Цена отд. №—15 к. По подписке—55 к. в л.
Еженедельный иллюстрированный литературно-художественный журнал

ЭКРАН

Цена отд. №—10 к. По подписке—35 к. в м.
Двухнедельный журнал для работников и жен рабочих—домашних хозяек

РАБОТНИЦА

Цена отд. №—20 к. По подписке—35 к. в м.
Ежемесячный научно-популярный журнал

МУРЗИЛКА

и "МУРЗИЛКИНА ГАЗЕТА"
Цена отд. №—50 к. По подписке—50 к. в м.
С "Мурзилкиной Газетой"—65 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В МОСКВЕ: в Главной Конторе "Рабочей Газеты", Суцевский вал дом № 63; в редакции: Тверская, 3; во всех районных экспедициях "Рабочей Газеты".

В ПРОВИНЦИИ: во всех отделен. "Рабочей Газеты" и во всех почтово-телеграфных конторах.

РАБКОРОВСКИЙ ГОНОРАР

Рис. М. Храпковского

— Ну, и сколько же ты получил за эту заметку?
— Да много!.. Двухнедельное выходное пособие!

ЗДОРОВАЯ КРИТИКА

— Приходите нынче в клуб, товарищи, на общее собрание, будем стенгазету нашу «Красную Волюнку» по докладу ихнего редактора обсуждать!—пригласил всех фабричный организатор всевозможных обсуждений, товарищ Крикунов.

— А танцы будут?—спросила жиденькая упавщица Мурашко.

— Нет!—отмахнулся Крикунов.—в порядок обсуждения танцы не входят. При обсуждении, товарищ Мурашко, шевелят мозгом, а не ногами. А вы—танцы. Довольно даже от вас удивительно!

Любители обсуждения, конечно, нашлись. И, конечно, начали собираться они, по обычаю, через два часа после назначенного часа.

Уселись и густо закурили—ядрей до поступления в президиум записочек с просьбой «поменьше курить, а то дышать почем больше».

Стенгазета «Красная Волюнка»—предмет обсуждения—уже висела, распятая кнопками, позади

крытого кумачом председательского стола. Со стен улыбались цветные лозунги:

«Через стенгазеты мы придём к светлому будущему, где не будет стенгазет».

«Капитал готовит газ, а у нас готов стенгаз».

«Стенгазета—наше око».

К этому последнему лозунгу озорным, карандашиком было приписано:

«Видит око, да зуб неймет».

Еще покурили.

Задние нетерпеливо похлопали.

— Время. Давай начинать. Открывай начало!

В общем—начали.

— Слово для доклада,—объявил председатель.—имеет редактор стенгазеты «Красная Волюнка», товарищ Бабушкин. Давай-вайлай!

Редактор Бабушкин выступил и доложил собранию:

— Товарищи! Что касается меня, как редактора, и стенгазеты, как таковой, то таковую редак-

торскую линию веду уверенно и твердо верю в то, что с вашей поддержкой, товарищи!..

— Правильно!—поддержали товарищи,—этот не подкачает, правильный мужик, даешь дальше! Дальше начиналось обсуждение.

Первый товарищ—обсуждающий покосился одним глазом на стенгазету, другим—на редактора и зарубцевал рукой:

— Мною взято слово, товарищи, и здесь я его единогласно выражаю в таком направлении. Что мы, товарищи, для начала имеем? Мы имеем нашу фабричную стенгазету, а именно «Красную Волюнку». И что мы здесь аккуратно наблюдаем? Мы наблюдаем, что «Красная Волюнка» в значительной степени волюнит, а именно—бузит! В этом ее недостаток плюс безобразие. И с этим я кончаю!

— Попрошу слова!—сказал второй товарищ,—отвечаю в ответ на сказанное. И, во-первых, обращаю ваше всеобщее внимание, товарищи, на то, что вышеупомянутая стенгазета «Красная Волюнка» проявляет вразрез предыдущим словам оратора непонятную беспечность и затишье. И тут, во-вторых, подходя к стенгазете «Красная Волюнка», возникает некоторый вопрос: какая же она, извините, «Волюнка», если между прочим совсем она не волюнит и не бьет в набат общественного мнения? Не красная она волюнка, а как раз совсем другое. И лучше уж ей, во избежание всевозможностей, переименоваться в «Красную Беспечность», чем наоборот!

— Попрошу и я!—сказал третий,—разрешите высказаться по самостоятельному слову с идеологией. Итак, товарищи, неоднократно просматривая нашу стенную газету после ее выпуска и обратно, и не смеясь отнюдь, потому что ничего там нет смешного, замечаю абстрактно: смеху в нашей стенгазете вовсе нет, а между тем, товарищи, я скажу так, как сказал известный поэт, уже, конечно, скончавшийся: «смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно». Смех—не грех. Так пуцай же «Красная Волюнка» улыбается!

Четвертый возразил:

— Я как раз скажу, товарищи, напротив. И что поразительно в обсуждаемой стенгазете, то как раз очень много в ней смеху. Смех в ней для смеху. Один смех и зубоскальство, и на это я заявляю абсолютный отвод!

Пятый сказал:

— Замечаю, товарищи, что рисуночков мало-мало в нашей стенгазете. Побольше рисуночков, товарищи стенгазеты, прошу категорически!

— Извиняюсь!—ответил шестой,—и считаю, что ни к чему совсем указанные рисуночки. Рисуночек место занимает, а на его месте статечку поучительную можно тиснуть. Что полезнее? Ага!..

Потом еще предлагали:

— Усерьезнить стенгазету, чорт ее возьми!

— Усмешнить, вам говорят!

— Красочками ее больше расцветить!

— Кой к чорту—красочки. Тут режим экономии, а они—красочка!..

Наконец, обсуждение подошло к заключительному слову редактора. И вышел бедняга, и развел он своими редакторскими руками, и заскулил неожиданно:

— Товарищи и братцы, вот я все вашл обсуждения здесь выслушал, и что мне теперь, товарищи, делать,—не знаю... Была для меня раньше линия ясная и ровная, а теперь хоть убей—ничегошеньки не понимаю... Что? Куда? Почему? Братцы, ослобоните вы меня, раз такое дело, от «Красной Волюнки», увольте во избежание неразберихи, товарищи!..

Л. Митницкий

СЮРКУФ, ГРОЗА МОРЕЙ

Как и почему к нему прилипла эта кличка—Сюркуф, Гроза морей,— очень даже трудно объяснить! Во-первых,—никакой он не Сюркуф, а просто Кнышкин и даже человек без особой специальности, служил конторщиком в заводууправлении. Во-вторых, и насчет грозы—тоже слабовато. На самом деле, какая же это гроза, конторщик-то? Даже курьер, и тот с пренебрежением. Наконец, и про море ребята просто с афиши содрали, не иначе, потому что он, Кнышкин-то, про море ничего и не знал, хотя и мог петь забористый романс со слезой про то, как «мою любовь, широкую, как море, вместить не могут жизни берега». Вот и все его морское образование, да и то в полупьяном виде.

Значит, никакой он не Сюркуф, а просто конторщик Кнышкин. Однако, все происшедшее; о чем я описываю, вовсе к афише никакого отношения не имело, а началось с рабкора нашего, Фирсова.

Как-то дознались в заводууправлении, — еще при старом директоре было, — что Фирсов в газету описывает про заводские беспорядки и происшествия. Кто дознался, точно неизвестно, но из-за для подслушаться на Фирсова директору кто-то донес. Тот взелся. Фирсов — в завком, — так, мол, и так! Если будут увольнять, то за рабкорство, которое есть здоровая критика, а никак не наоборот. Так и пошло. Его под сокращение, а завком говорит — маком! Ему снижение в разряде, а завком не дает! Ему перевод на низшую должность, а завком возражает! Концом же концов директора сняли, — то ли из-за Фирсова, то ли из-за другого из-за чего, но сняли. А новый директор и вовсе с Фирсовым приятель.

Да, так про Кнышкина-то! У Кнышкина вся история с Фирсовым на глазах, можно сказать, прошла, — не он ли, часом, и доносил тогда директору, — кто его знает? Директора прежнего сняли, Фирсов остался и на должности на прежней, и в рабкорах тоже...

Приходит как-то Кнышкин без всякого дела в рабочее время в цех и строго так спрашивает мастера:

— А вентилятор у вас есть в цеху, который вредное производство? Мастеру, конечно, с Кнышкиным разговаривать вовсе не о чем, — человек он цеху посторонний, Кнышкин-то, то-есть, а мастер занят своим делом. Но вежливо он отвечает:

— Шел бы ты, Кнышкин, к чертовой матери из цеха! Не пса тебе тут вентилировать!

Но Кнышкин свое:
— Ты, говорит, не выражайся, а лучше скажи-ка по чести, — давно ли к вам охрана труда заглядывала и в исправности ли у вас нужник, не протекает ли крыша? А выражаться — брось!

Ребята слышат, — разговор промежду них серьезнеет: то мастер слово, то Кнышкин. Мастер гулко так, а Кнышкин — тоненько. Сгрудились, слушают. Слышат, — Кнышкин и вовсе разошелся:

— Разве, говорит, при таком освещении можно работать? Глазам порча, а не работа! Попили, говорит, нашей кровушки! Все окна надо переделать враз, тогда еще может что и выйдет, а так нельзя, говорит, людей без освещения тиранить! Я, говорит, вам покажу!

Однако, показать не вышло, — чего-то нехорошего ему мастер посулил, он и подался!

На следующий день обратно приходит Кнышкин и свой писклявый голос показывает:

— По каким это таким вы расценкам, говорит, работаете, когда, я так полагаю, их поднимать нужно?

Конечное дело, — никто не против, чтобы поднять расценки, только до Кнышкина это не касалось! Мастер, впрочем, пригих:

— Ты, — спрашивает у Кнышкина, — может, в тэ-эн-бе состоишь или просто куда выбран?

— Нигде, говорит, я не состою, и не твое, говорит, это дело! А раз расценки эксплуататорские, то я вам покажу всем!

Ребята видят, — Кнышкин, как Кнышкин, то-есть, от самого себя треплется, на-смех его подняли и даже задражили. Но он кулаком помахал своим конторским в воздухе и шумит из двери:

— Я вам всем покажу. Я вас научу!!!
Быстро так увернулся и выбежал.

И обратно на другой день появляется и требует, чтобы весь цех был наново переоборудован, потому что в Америке есть очень замечательные машины вместо старых, которые во многом и непригодны.

Опять все согласны на новые станки, — машин-то у нас и не было никогда, — для Кнышкина же все машина! Но тут мастер уже серьезно поступил: взял Кнышкина за грудки и говорит:

— Если будешь вякать, пойду к заведующему, что зря народ мутишь!

— Я тебе покажу! — барахтается Кнышкин, но мастер его честно вывел за дверь, а вдогонку и приклеили:

— Сюркуф, гроза морей. Катись!!!
А Кнышкин тем часом — в завком:

— Так и так, товарищи дорогие! За критику могу пострадать! Критикую, а на меня за это жалобы от администрации и угрозы расправой!

... Тем все и кончилось, то-есть, на другой же день уволили нашего Сюркуфа и даже без выходного, как злостного прогульщика! Что-ж, вы думаете, гад делал?!

Ничего он не делал! Как есть ничего! С месяц уже на работе не был, а так: забегит в какой цех, потреплется, да и домой. И завтра обратно так же. И все кричит:

— Всем покажу!!!
Вот-те и показал!

Вл. Павлов.

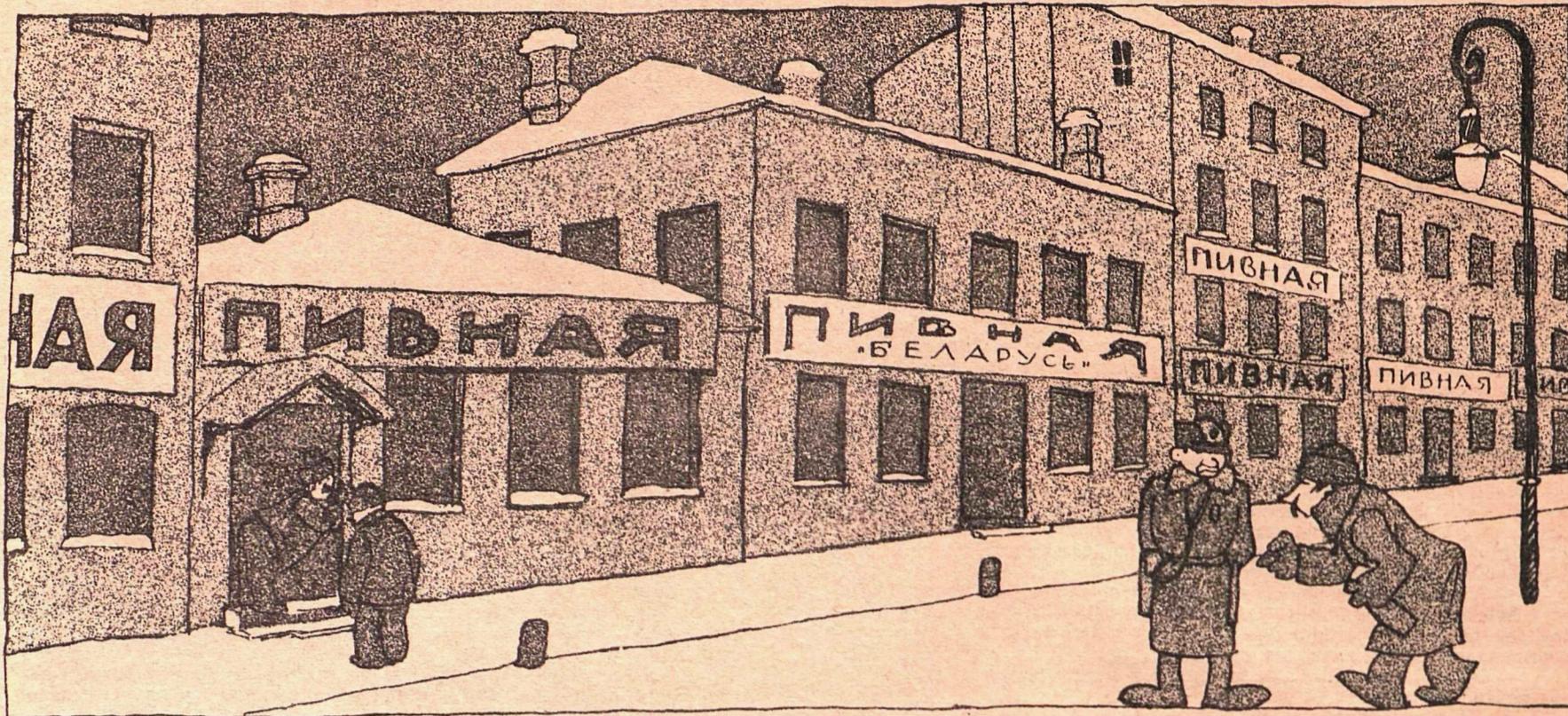
ВЕРНЫЙ ПУТЬ

Рис. Ю. Ганфа

Можно поступить на службу и через биржу труда. Но именно ЧЕРЕЗ... когда есть записка.

Рис. К. Елисева

ОБЩИЙ ВИД ПРЕДПРИЯТИЙ, НЕ СОБЛЮДАЮЩИХ РЕЖИМА ЭКОНОМИИ.

ВИЛЫ В БОК

БЫСТРОТА И НАТИСК

Главное в каждом деле—система. Поэтому в расчетной конторе завода им. Ворошилова в Ворошиловское (Донбасс) ввели «особую систему» подсчета зарплат. При этой системе увеличилась нагрузка служащих:

Служащие предупреждали, что при данном штате и новой системе невозможно приготовить в срок заработную плату, а тем более—проверить ее. Но администрация приказала во что бы то ни стало приготовить, а проверку произвести после выдачи. В результате рабочие целую неделю не могли разобраться с конторой, так как у многих недоплата в десятки рублей, а многих совсем пропустили в списках.

Правильная администрация на Ворошиловском заводе: первое—по системе, затем уже—в срок, а полностью ли и всем ли,—не важно,—разобраться время будет.

Кстати, товарищи администраторы, а как с прогулами на вашем заводе. Особенно после получки?! Вернее, неполучки?!

ВЫВОДЫ

Инструктор Главсоцстраха Белоруссии Мируц производил обследование мозырской соцстрахкассы, при чем пришел к следующим выводам:

1. Страхкассой принималось мало мер к регулированию беременности. Так, например, были случаи, когда беременность, вопреки инструкциям Главсоцстраха, продолжалась больше установленного времени.

19. Доврачу изучить вопрос о больших переходах по беременности и поставить вопрос на комитете о принятии надлежащих мер...

Всех «выводов» шестьдесят три штуки и все они в этом роде. Не пришлось бы Главсоцстраху сделать шестьдесят четвертый вывод — относительно тов. Мируца и при том вывод организационного характера?

СТРОГИЙ СЕКРЕТАРЬ

Вот какие ультиматумы, оказывается, можно предъявлять:

Председателю Пос. Сотниковского ВЛКСМ тов. Железкову.

Настоящим сообщаю я, секретарь Пер. Сотниковской ячейки ВЛКСМ, — если вы не уберете избачу Скворцову, то прошу назначить и меня на какую-либо должность, если же у вас средство содержать таких нахалов, неспособный к общественной работе, способных только на счет половых сношений, как тов. Скворцов, в таком случае я думаю найдется и для меня средства, а избач П. Сотниково Скворцов несколько не может дать разные справки гражданам, разъяснение по улучшению хозяйств по бедняцким слоям и также нет у него красноречивость по проведении беспартийной собрания взрослых, молодежи, женщин и т. д., а потому, сообщая авторитет и активность тов. Скворцова, прошу зачислить, т. е. назначить и меня на должность по вашему усмотрению, так как со дня организации ячейки ВЛКСМ в нашей деревне я несколько не воспользовался, а израсходовал свои собственные деньги рублей 15, а средства нашего, т. е. выход бедняцких хозяйства вам известно. Особенно в Сотникове и так кончая свое соображение, прошу еще на кратких чертах, если меня не будет назначение, то брошу все соответствующие обязанности и будет наша ячейка ликвидирована.

Секретарь ячейки ВЛКСМ—Спирidonов.

— Я, говорит, тебя породил,—я тебя и убью: нет должности, нет ячейки, ибо—за что же бороться?!

У СЕМИ НЯНЕК ДИТЯ БЕЗ ГЛАЗА

Очень оживленно в клубе К. Либкехта, на стеклянном заводе в В.-Волоцке:

У нас за 2½ месяца сменилось семь заведующих, а толку нет и нет...

Зато ответственные руководители культурной работой на этом заводе могут с гордостью отметить в своих отчетах, что посещаемость клуба неизменно растет: за 2½ месяца клуб посетило семь активных клубных работников! Это не шутка!

СОЗНАТЕЛЬНЫЕ ХИМИКИ

Вышневолоцкие химики—деловой народ! И даже в пьяном виде не говорят лишнего:

На нашем уездном съезде химиков, по примеру прежних лет, добрая половина делегатов являлась на заседания вдрязг пьяными. Кто валялся на лавках, кто шатался по коридору, а кто спянул «выступал» в прениях, гордя сплошную чушь...

Это означает, что они люди деловые и прекрасно понимают, что перед пьяными свиньями надо не бисер метать, а горючить чушь. Ай да химики!

ПО ГАЗЕТНЫМ

РАВНИНАМ

НИЧЕГО В ВОЛНАХ НЕ ВИДНО

В архангельской газете «Волна» (№ 288) под обращением правительства СССР к населению Союза по поводу переписи стоит такая подпись:

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР Рыков.

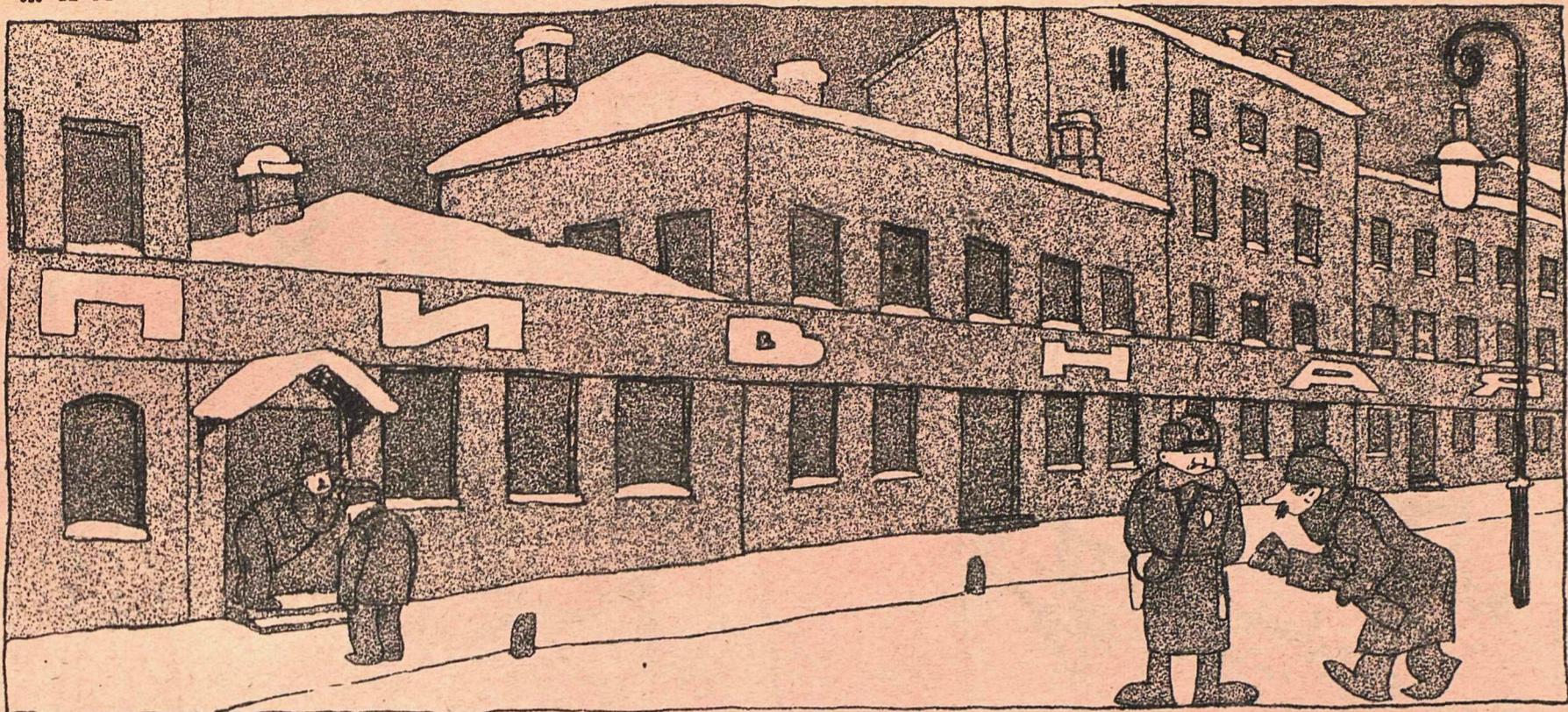
Очевидно, у редактора газеты, тов. Рысакова, морская болезнь. «Волна» качает, что ли?

ТРУДНОЕ ДЕЛО

Совершенно загадочно о тов. Рыкове пишет иркутская газета «Власть Труда» (№ 284) в телеграмме под заголовком: «Приветствие т. Рыкова инженерам»:

— Тов. Рыков очень сожалеет, что он будет попрежнему поддерживать вас, особенно в настоящий момент, когда инженерам и техникам предстоит принять инициативное участие в рассмотрении важнейших проблем, стоящих перед нашей страной.

Простите, дорогие товарищи! Если вы громко именуете свою газету «Власть Труда», то я потрудитесь ее редактировать. Без редакторского труда никакая «Власть Труда» обойтись не сможет.

А ЕСЛИ БЫ ЭТИ ПРЕДПРИЯТИЯ РЕЖИМ ЭКОНОМИИ СОБЛЮДАЛИ — ВИД БЫЛ БЫ ТАКОЙ.

ПЛОХОЙ ЗАПАХ

Почта принесла нам письмо от товарища Рашпиля, работающего на Елецком (Орловской губ.) элеваторе. Товарищ Рашпиль пишет:

Товарищ редактор! Может быть мое выражение неправильное, но я — рабочий от станка, как умею, так и пишу.

Дело не в выражении, тов. Рашпиль. Совершенно правильно делаете, что пишете, как умеете. «Крокодил» прекрасно вас понимает.

На элеваторе у нас имелся один клозет, и в него ходили без разделения и рабочие, и служащие.

Неужели же рабочим и служащим надо ставить разные клозеты. Как вы думаете, товарищ Рашпиль?

Впрочем, о необходимости разных клозетов думает не товарищ Рашпиль. Совсем не он, — дальше увидим!

Администрация усмотрела, что для очистки клозета тоже нужны деньги, а клозет чистят часто, потому что он один.

Так-с. Значит, запахло не только клозетом, но и режимом «экономии». Запах полезный, если он не соединяется с клозетным.

Администрация приказала старый клозет забить, а новый выстроить. Так и сделано.

Позвольте, в чем же дело? Не все ли равно — старый или новый? Какое же тут облегчение или «экономию»?

На наш вопрос товарищ Рашпиль отвечает сразу:

Выстроила новый клозет и повесила на двери два замка и ключ хранится в конторе: если кто вздумает оправиться, то вперед нужно разыскать ключ, а ведь, это вещь такая, — не дожидается времени, а тем более, если у вас болит живот, то хоть в брюки клади.

Зачем же такая глупость придумана, товарищ Рашпиль? Нам что-то непонятно!

Оказывается, вот зачем:

Зав разрешил в этот клозет ходить только служащим, потому что служащие оправляются аккуратно, а рабочие — нет, и

поэтому рабочему не разрешено ходить в этот клозет, а он должен ходить оправляться на двенадцати ветрах. Насколько глуп зав элеватором, вы можете судить сами.

Видите ли, товарищ Рашпиль! Конечно, ваш зав не Эдиссон по уму, и его изобретение едва ли будет запатентовано, — это верно! Но что рабочие должны оправляться аккуратно, — тоже верно, — ничего с этим не поделаешь: гигиена и санитария этого требуют, а не только ваш зав! Вот что! Так давайте и сговоримся: зав немедленно снимет замки, а рабочие будут соблюдать правила санитарии и гигиены...

Впрочем, оказывается, это не все еще:

А около амбара имеются гнилые подмостки, где уже один рабочий с пятикудовым мешком обвалился и благодаря этому лежит в больнице. Когда зав просили гниль заменить новыми подмостками, то он ответил, что у него нет на это ни разрешения, ни денег, а клозет без всякого разрешения построил.

Вот это уже пахнет не только клозетом, а и чем-то другим, для зав более неприятным: неприятием необходимых мер предосторожности, во-первых, и искажением режима экономии, во-вторых. По этому поводу зав может иметь неприятности не только с «Крокодилом», но с РКИ и даже с прокуратурой...

Помиримся на следующем:

1. Немедленно исправить подмостки у амбара!
2. Немедленно же открыть клозет для общего пользования!

Товарищ зав, согласен?

СНЯТЫЕ С ВИЛ

По полученным редакцией «Крокодила» документальным сведениям, помещенная в № 40 журнала «Крокодил» в отделе «Вилы в бок», под заглавием «Новое дело», заметка об оплате Госторгом командировочного счета гр-на Коппеля, за принятые им ванны, не соответствует действительности.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛОХАНКА

„ФРУКТЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ“

В «Рабочей Москве» (№ 295) о рабочем театре некий т. Дондуа пишет необыкновенно вразумительно:

Молодежь, сильная, талантливая, сыгравшаяся друг с другом, еще не вся затронутая разложением привычек актерствования, молодежь, оканчивающая государственный театральный техникум (бывш. ГИТИС) выходит общим коллективом на сцену Замоскворецкого театра. Знающий учебную работу на театре ГИТИС, может ждать от нового театра того, чего нет в других театрах Москвы — революционной реальности: ждать, чтобы зритель почувствовал подлинно революционное не в изломах и трюках сценической постановки, а в прямом впечатлении от сценического действия, почувствовал революционное так, как теперь чувствуют буржуазное со сцен Художественного театра.

Но новое учится у старого, и старое довлеет над новым.

С первых же шагов чувствуется как чьи-то возжи тащат новых людей на старую истоптанную дорогу.

И дальше т. Дондуа спрашивает: Неужели зачем-нибудь нужны «Фрукты просвещения»?

Мы, собственно, насчет возжей: назначение этой части упряжи не тащить, а управлять. В исключительных случаях, когда нужно исправить какого-нибудь «лево-р-революционного» болтуна, возжи можно использовать в качестве учебного пособия. Поняли, т. Дондуа?

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ТАИНСТВЕННЫЙ СЛУЧАЙ

Наш корреспондент, тов. Мизгин, обращается к нам с вопросом по поводу таинственного происшествия, отмеченного «Правдой» и «Молотом» (орган Севкавказкома ВКП(б)). В самом деле, посмотрите:

Зарисовка худ. Майнелл.

Тов. ТАН-ПИН-СЯН — член китайской компартии.

«Правда», № 272.
24/XI—26

Ж. Дорно.

«Молот» № 1600.
2/XII—26.

Так вот, тов. Мизгин спрашивает, — кто же это изображен двумя газетами?

«Крокодил» сознается в собственном невежестве, — понятия, говорит, не имею! Может быть, и Тан-Пин-Сян, может быть, и Дорно. Только до полной неузнаваемости загримированные редакциями газет.

Рис. К. Ротова.

ПРАВЛЕНИЕ КООПЕРАТИВА: — „И все должны мы
Неудержимо“..

ЗАВ. КООПЕРАТИВОМ (вздыхая на балконе):— О-ох! И должны много! И действительно — „неудержимо“— ни с кого
копейки не удержишь!

БИБЛИОТЕКА
КОМУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.